

МАГИЯ ЖИЗНИ

Д Ж О А Н Н Х А Р Р И С

Остров на краю света

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris
COASTLINERS

Copyright © Frogspawn Ltd. 2002

Перевод с английского *Татьяны Боровиковой*

Художественное оформление *М. Дорошенко*

Харрис, Джоанн.

Х21 Остров на краю света / Джоанн Харрис ;
[пер. с англ. Т. Боровиковой]. — Москва : Эксмо,
2018. — 448 с. — (Магия жизни).

ISBN 978-5-04-095733-0

На крошечном бретонском островке ничего не менялось вот уже больше ста лет. Поколение за поколением бедная деревушка Ле Салан и зажиточный городок Ла Ус-синьер вели борьбу за единственный на острове пляж. Но теперь все изменится.

Вернувшись на родной остров после десятилетнего отсутствия, Мадо обнаруживает, что древнему дому ее семьи угрожают приливные волны и махинации местного богача. Хуже того, вся деревня утратила волю и надежду на лучшее.

Но Мадо, покрутившаяся в парижской круговерти, готова горы свернуть. Заручившись поддержкой невесты как попавшего на остров чужака, она пытается мобилизовать земляков на подвиги. Однако первые же ее успехи имеют неожиданные последствия...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Т. Боровикова, перевод, 2018

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-095733-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Человек не остров, не просто сам по себе;
каждый человек — часть континента,
часть целого.

Джон Донн

Обращения к Господу в час нужды и бедствий.

(Перевод Игоря Померанцева)

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Уильям Блейк

Изречения невинности

(Перевод С. Маршака)

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга — не остров, и я хочу поблагодарить тех, без кого она не состоялась бы. Я сердечно благодарна своему литературному агенту Серафине Уорриор Принсес, Дженнифер Люитлен, Говарду Морхейму и всем остальным, кто переговорами, уговорами, вымогательством и разными прочими способами проталкивал публикацию книги. Еще спасибо моему редактору Дженнифер Херши и всем моим друзьям в [издательской группе] «Эйвон Морроу»; Кевину и Анушке, которые почти постоянно служили для меня тихой гаванью; моим друзьям по (электронной) переписке Курту, Мэри, Эмме, Саймону и Джулсу за то, что поддерживали связь между мной и всем остальным миром; Стиви, Полу и Дэвиду — за мятный чай и блинчики; Чарльзу де Линту — еще одно спасибо, а также мои извинения за нечаянную кражу двух вороньих перьев, а Кристоферу Фаулеру спасибо за то, что не вешал трубку. И бесчисленным продавцам книжных магазинов и книготорговцам — тем, кто потрудились, чтобы мои книги стояли на полках; и, наконец, жителям Ле Салана, которые, я надеюсь, когда-нибудь все же меня простят.

ПРОЛОГ

Острова — иные. И чем меньше остров, тем это верней. Возьмем Британию. Не верится, что эта узкая полоска суши вмещает столько своеобразия. Крикет, чаепития, Шекспир, Шеффилд, рыба с жареной картошкой в пахнущей уксусом газетной бумаге, Сохо, два древних университета, побережье Саут-Энда, полосатые шезлонги в Грин-парке, «Улица Коронации»¹, Оксфорд-стрит, праздные послеполуденные часы воскресенья. Так много противоречий. Шествуют толпой, как поддатые демонстранты, еще не понявшие, что протестуют-то они в основном друг против друга. Острова — первопроходцы, раскольники, протестанты, изгой, изоляционисты от природы. Они, как уже было сказано, иные.

¹ Самый долгоиграющий из всех ныне идущих британских телесериалов и самая популярная в Британии телепередача.

Вот, например, этот остров. Из конца в конец на велосипеде проедешь. Пешком по воде за полдня доберешься до материка. Колдун и окружившие его островки застряли, как стайка крабов, на мелководье у побережья Вандеи¹. Со стороны материка его загораживает Нуармутье², с юга — Йё, и в туманный день его можно вообще не заметить. На картах он едва виден. Да, по правде сказать, он и не заслуживает называться островом — возомнившая о себе кучка песчаных дюн, скалистый хребет, вздымающий их из атлантических волн, пара деревушек, рыбозаводик, единственный пляж. В дальнем конце — моя родина, Ле Салан³, нестройный ряд домишек — трудно даже деревней назвать — спускается через скалы и дюны к морю, что подползает ближе с каждым «злым приливом». Дом, от которого никуда не денешься, место, куда указывает компас сердца.

Если б это зависело от меня, может, мой выбор пал бы на какое-нибудь другое место. Может, где-нибудь в Англии, где мы с мамой были счастливы почти год, пока моя неумность не погнала нас дальше. Или Ирландия, или Джерси⁴, Айона⁵,

¹ Вандея — департамент в Западной Франции.

² Нуармутье, Йё — острова в Бискайском заливе, принадлежат Франции.

³ Les Salants (*фр.*) — солончаки.

⁴ Джерси — остров, территория Британии, расположен у побережья Франции.

⁵ Айона — один из Гебридских островов, расположен у побережья Шотландии.

Скай¹. Видите, я, словно инстинктивно, выбираю острова, будто пытаюсь частично воссоздать свой остров, Колдун, — единственное место, которое ничем не заменить.

Формой остров напоминает спящую женщину. Ле Салан — голова, плечи сторблены, чтоб защититься от непогоды. Ла Гулю — живот, Ла Уссиньер — укромная ложбинка под согнутыми коленями. Кругом Ла Жете хоровод песчаных островков, которые то разрастаются, то убывают по воле приливов, что медленно меняют линию берега — одну сторону подрывают, другую нарастят, и форма островков так переменчива, что мало кто из них успевает заслужить собственное имя. Дальше лежит полная неизвестность — отмель за Ла Жете резко обрывается, и дно уходит в никем не измеренные глубины; островитяне зовут это место Нидпуль². Если положить записку в бутылку и бросить в море с любого места на острове, она, скорее всего, вернется на Ла Гулю, что значит «жадина» — берег, за которым сгрудились домишки Ле Салана, словно прячась от пронизывающего ветра с моря. Ле Салан располагается к востоку от каменистого мыса Грино, а это значит, что зернистый песок, ил и прочие отбросы — все скапливается тут. Сильные приливы и зимние шторма еще усугубляют дело — они воздвигают на каменистом берегу целые крепостные стены из водорослей, и эти стены могут простоять полгода или год, пока их не снесет очередным штормом.

¹ Скай — остров, расположен у западного побережья Шотландии.

² Nid'Poule (*фр.*) — выбоина, яма на дороге.

Так что, как видите, Колдун не блещет красотой. Скрюченная фигура острова схематична и груба, совсем как у Марины Морской — нашей святой покровительницы. Туристы тут редки. Их почти нечем привлечь. Если с воздуха острова похожи на балерин, закружившихся в танце, то Колдун — дурнушка в последнем ряду кордебалета, забывшая свои па. Мы отстали, она и я. Танец продолжается без нас.

Но остров сохранил свою суть. Полоска суши в несколько километров длиной, и все же у нее свой характер, наречия, кухня, обычаи, платья — и все столь же отличается от других островов, как все острова — от материковой Франции. Жители Колдуна считают себя островитянами — не французами и даже не вандейцами. У них нет никаких политических симпатий. Мало кто из сыновей островитян считает нужным служить в армии. Остров так далек от центра событий, что это кажется абсурдным. И так далек от всякой официальности и закона, что живет по законам собственным.

Впрочем, нельзя сказать, что здесь не любят чужаков. Наоборот, мы бы привлекали на остров туристов, если б только знали как. В Ле Салане туристы означают достаток. Мы смотрим через пролив на Нуармутье, с его отелями, пансионатами, магазинами и огромным красивым мостом, соединяющим остров и материк. Там дороги летом запружены машинами с иностранными номерами, с кучами багажа на крышах, пляжи чернеют от людей, и мы пытаемся представить себе, что было бы, если бы все эти туристы оказались у нас. Но мечта

остается мечтой. Туристы — те немногие, что отваживаются забраться подальше, — застревают в Ла Уссиньере, на другой стороне острова. В Ле Салане, с его скалистым беспляжным берегом, с его каменными дюнами, цементированными грубым песком, с его беспрестанным резким ветром, их нечем заманить.

Жители Ла Уссиньера это знают. Меж уссинцами и саланцами идет распря, уже так давно, что никто не помнит, когда она началась. Сначала религиозные несогласия, потом споры за право ловли рыбы, права на строительство, торговлю и, конечно, землю. По закону осушенная земля принадлежит тому, кто ее осушил, и его потомкам. Это единственное богатство саланцев. Но уссинцы контролируют доставки с материка (единственный паром принадлежит старейшей семье Ла Уссиньера) и устанавливают цены. Если уссинцу представляется случай надуть саланца, он не преминет это сделать. Если саланцу удастся одержать верх над уссинцем, торжествует вся деревня.

А еще у Ла Уссиньера есть тайное оружие. Оно называется «Иммортели» — это маленький песчаный пляж в двух минутах от гавани, с одной стороны его прикрывает древний мол. Здесь яхты скользят по воде, укрытые от западных ветров. Это единственное место, где можно купаться и ходить под парусом, не опасаясь сильных течений, раздирающих остров. Этот пляж — игра природы — и составляет главную разницу между двумя общинами. Деревня разрослась в городок. Из-за пляжа Ла Уссиньер, по островным меркам, процветает. Здесь есть ресторан, гостиница, кинотеатр, дискотека,

кемпинг. Летом заливчик набит яхтами отдыхающих. В Ла Уссиньере располагаются мэры острова, полицейский, почта и единственный священник. В августе несколько семей с побережья снимают тут дома и приносят с собой оживление в торговле.

Ле Салан летом, напротив, совершенно мертвец, задыхается, дубеет на жаре и ветру. Но для меня это все равно дом. Не самое прекрасное место в мире и даже не самое гостеприимное. Но мое.

Все возвращается. На Колдуне это вечное при словье. Людям, живущим на обрывке пестрого подола Гольфстрима, оно сулит надежду. Рано или поздно все возвращается. Разбитые лодки, послания в бутылках, спасательные круги, обломки кораблекрушения, потерявшиеся в море рыбаки. Ла Гулю тянет к себе, и многие не в силах противиться его тяге. Могут пройти годы. Материк завлекает — там деньги, большие города, незнакомая жизнь. Трое из четырех детей покидают остров в восемнадцать лет, мечтая о мире, что лежит за пределами Ла Жете. Однако Жадина не только голоден, но и терпелив. И для людей вроде меня, которых больше ничто нигде не держит якорем, возвращение, похоже, неизбежно.

У меня своя история, когда-то была. Теперь это уже не важно. На Колдуне никто не интересуется никакой историей, кроме здешней. Чего только не выкидывает на наш берег — обломки, пляжные мячи, дохлых птиц, пустые бумажники, дорогие кроссовки, пластиковые вилки, даже людей, — и никто не спрашивает, откуда они взялись. То, что никому не пригодилось, море забирает об-

ратно. И разные морские твари тоже порой приходят этим торным путем — португальские кораблики, акулы-няньки, морские коньки, хрупкие морские звезды, иногда киты. Они остаются или уходят — диковины, на них можно поглазеть несколько мгновений и забыть, как только они покинут наши воды. Для островитян нет ничего за пределами Ла Жете. Если выйти за Ла Жете и двигаться дальше, ничто не нарушит линию горизонта, пока не завиднеется Америка. За эти пределы никто не ходит. Никто не изучает приливы и то, что они приносят. Только я. Но меня тоже принесло морем, так что я имею право.

Взять, например, этот пляж. Это удивительное явление. Один остров, единственный пляж; удачное сочетание приливов и течений; сто тысяч тонн древнего песка, упорного, как скала, и от тысяч завистливых взглядов он словно позолотел, став драгоценнее золотой пыли. Разумеется, он обогатил уссинцев, хотя все мы — и уссинцы, и саланцы — знаем, что это богатство случайно и с тем же успехом все могло быть ровно наоборот.

Чуть сместится течение, будет приходиться на сотню метров правее или левее. На градус изменится направление ветра. Поменяется рельеф дна. Случится сильный шторм. Любое из этих событий в любой момент может катастрофически изменить ситуацию на противоположную. Удача как маятник, одно качание занимает десятилетия, и тень его несет с собой неизбежность.

Ле Салан все еще ждет, терпеливо, с надеждой, момента, когда маятник пойдет в другую сторону.